

ШАХТА-4
ГЛУБИНА 1780
ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ

КНИГА 3

ЦЕНА ЭЛЛЕРА

Сонные жилы

ВАЛЕРИЯ ДАРХАН

18+

Валерия Дархан
Сонные жилы. Цена
Эллера. Книга 3
Серия «Серия "Сонные жилы"», книга 3

*<https://litres.ru/73996588>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Катя уже знает: цена Эллера не возвращается без последствий. Любое чудо в Глисе оставляет след - в теле, памяти, голосе, годах жизни или чужом спасении.

После нижнего огня Имран получает то, чего не просил: новый палец. Чистый, неправильный, чужой. Для Совета это знак. Для Лидии-Ключницы - рычаг. Для Кати - ловушка, потому что любовь к Имрану становится самым удобным оружием против них обоих.

Чтобы понять цену пожара, Катя должна пройти через память Имрана, Мару, Раису, красную нить и нож выбора. Ей предлагают невозможное: вернуть любимому утраченное, не думая о тех, кто выжил благодаря его жертве.

Но настоящая любовь не отменяет цену. Она учится смотреть на неё в упор.

Содержание

Глава 1. После нижнего огня	4
Глава 2. Совет ненависти	10
Глава 3. Палец огня	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сонные жилы. Цена Эллера. Книга 3

Глава 1. После нижнего огня

Ключ на ладони Кати остыл только к утру.

Сначала он горел белым, почти бесцветным светом, будто кожа под ним стала тонкой, как бумага на лампе. Потом свет ушёл глубже. Остался рисунок: три зубца, тонкая ножка, маленькая петля у основания. Он был похож на след ожога, но не болел. От этого становилось хуже.

Боль хотя бы честная. Боль говорит: вот граница, вот рана, вот место, куда нельзя давить. Ключ молчал. Он лежал под кожей спокойно, как вещь, которая давно знала, что вернётся домой.

Катя сидела на каменном полу у стены и смотрела на собственную руку.

Глиса вокруг дышала после пожара тяжело. Нижний огонь ушёл в глубину, но не исчез. В трещинах под плитами ещё светились красные жилы, и от них тянуло сухим жаром. Где-то внизу перекачивался глухой звук, похожий на кашель огромной шахты. Эллеры ходили тихо. Даже те, кто вчера кричал, спорил, приказывал, теперь двигались так, будто боялись разбудить то, что спало под городом.

Имран стоял у пролома.

Спиной к ней.

Он не уходил. Он просто держал расстояние, как держат клинок между собой и человеком, которого нельзя ранить. После ночи, после огня, после её отказа вернуть ему цену, после его тихого: «Понял», между ними снова встал воздух. Не холодный. Напряжённый.

Катя ненавидела этот воздух.

Ненавидела Лидию, которая открыла снизу и исчезла, оставив им ключ, Марино лицо, чужие детские голоса и мёртвую петлю в ткани мира. Ненавидела Совет Эллеров, потому что они уже смотрели на неё не как на женщину из Шахт, а как на инструмент, который оказался слишком упрямым. Ненавидела Глису за то, что здесь любое чудо пахло платой.

Сильнее всего она злилась на Имрана.

Потому что он стоял живой.

Потому что его плечи были каменными от сдерживания. Потому что он не повернулся. Потому что ночью, когда нижний огонь лизнул его левую руку, он даже не вскрикнул. Только посмотрел на неё так, будто просил не спасать его дешёвым способом.

Катя сжала пальцы.

Ключ под кожей не двинулся.

- Он не должен быть у тебя, - сказал Саир.

Она подняла голову.

Саир сидел напротив на перевёрнутой каменной балке. После пожара его лицо казалось серее, а глаза - почти прозрачными. Он по-прежнему не видел красного. Катя не знала, как человек может не видеть цвет и всё равно так точно смотреть на чужую кровь.

- С добрым утром, - сказала она.

- У нас нет утра.

- Очень жаль. Я почти надеялась, что хотя бы время здесь не хочет меня убить.

Саир не улыбнулся.

- Ключница передала тебе не вещь. Она передала право.

- Слово «право» звучит так, будто у меня был выбор.

- Выбор был.

Катя посмотрела на свою ладонь.

Да. Выбор был. Не вернуть Имрану палец. Не вытянуть его цену из прошлого. Не отменить спасение девочки, даже если часть её самой хотела увидеть его целым. Эту часть она не собиралась показывать никому.

Особенно ему.

- Лидия жива? - спросила Катя.

Саир отвёл взгляд к пролому.

- Ключницы редко умирают сразу.

- Как удобно.

- Нет. Удобно умирают те, кто не нужен дальше.

От этих слов по коже прошёл холод. Не страх даже. Узнавание закона.

Имран повернул голову.

Совсем чуть-чуть. Этого хватило, чтобы Катя почувствовала его внимание всем телом. За ночь, за книги, за кровь, за сонный паралич, за его руку на её горле, за его рот у её виска, за всё, что они уже не могли отдать обратно, её тело научилось слышать его раньше, чем разум.

Это бесило.

Это спасало.

- Ключ у неё, - произнёс Имран.

Голос сухой. Низкий. Сбитый после дыма.

Саир посмотрел на него.

- Поэтому Совет потребует её.

- Совет может попробовать.

В этих трёх словах не было крика. Даже угрозы почти не было. Только спокойная готовность убивать.

Катя медленно поднялась. Ноги дрожали, но она заставила их держать вес. Рубашка прилипла к спине от пота и пыли, волосы спутались, во рту стоял вкус золы. Хотелось домой. На кухню. К матери. К плохому чаю, к пыльному окну, к старому коврику у двери. Хотелось, чтобы всё это оказалось дурным сном, который нельзя рассказывать до воды.

Но теперь вода тоже умела лгать.

- Никто меня не требует, - сказала Катя. - Я не вещь.

Саир посмотрел на неё так, будто она произнесла красивую, но бесполезную фразу.

Имран посмотрел иначе.

Слишком долго.

В его взгляде была усталость, злость, почти нежность и та самая тьма, от которой у Кати иногда перехватывало дыхание. Не нижний сон. Не чужой вход. Просто мужчина, который однажды чуть её убил, потом несколько раз спас, потом отдал ей власть не над своим телом даже - над своей ценой.

Она хотела подойти.

Хотела ударить его ладонью в грудь. Хотела спросить, почему он снова отстраняется именно тогда, когда ей страшнее всего. Хотела уткнуться лбом в его плечо и почувствовать, что он здесь, горячий, живой, настоящий.

Не сделала ничего.

Слишком много глаз.

Слишком много мира, который сразу превращал любовь в оружие.

Из дальнего коридора донёсся стук.

Раз. Второй. Третий.

Не шаги.

Кто-то стучал изнутри камня.

Саир побледнел.

Имран уже двигался к Кате. Быстро, бесшумно, без вопроса.

Ключ на её ладони вспыхнул.

На каменной стене проступили слова. Они выступали из породы мокрыми тёмными буквами, как из шахтной грязи.

«Верни цену - или она вернётся сама».

Под фразой медленно появилось имя.
Имран.

Глава 2. Совет ненависти

Совет собрался без огня.

В зале, где раньше горели низкие синие чаши, теперь стояли каменные светильники с водой. Вода светилась изнутри мутным белым, и лица Эллеров казались чужими масками. Катя стояла в центре круга и думала, что если бы в Шахтах кто-нибудь придумал так принимать решения, его бы сначала послали, потом всё равно пришли бы смотреть.

Люди любят суды.

Особенно когда судят не их.

Имран стоял справа, на полшага позади. Формально - как страж. На самом деле так, чтобы закрыть её телом за одно движение. Катя чувствовала его плечо рядом с собой. Не касалось. Всё равно мешало дышать.

После надписи на стене он не сказал ни слова.

Это было хуже, чем если бы сказал слишком много.

- Ключница передала знак человеку из яви, - произнёс старший из Совета. Его звали Херрад, и Катя сразу невзлюбила это имя. В нём было что-то костяное. - Теперь этот человек связан с ценой Эллера.

- У этого человека есть имя, - сказала Катя.

Несколько голов повернулись к ней.

Имран чуть заметно выдохнул. Не удержал? Или наоборот - не дал себе вмешаться.

Херрад посмотрел на неё без раздражения. Это бесило сильнее.

- Катя из Шахт. Носительница чужого дыхания. Живая дверь. Белый ключ. Достаточно имён?

- Моё первое подойдёт.

Слева кто-то тихо шепнул. Женщина с впалой щекой и глазами, в которых не было сна, улыбнулась. Улыбка не добрая. Скорее голодная.

- У неё много языка для ключа, - сказала женщина.

- У ключей вообще-то зубцы, - ответила Катя. - Язык у тех, кто ими пользуется.

На этот раз Имран повернул голову к ней. Быстро. Взглядом приказал молчать.

Катя посмотрела в ответ.

Попробуй.

Он понял. По тому, как напряглась линия его челюсти, понял прекрасно.

Херрад поднял ладонь.

- Нам не нужна её дерзость. Нам нужна проверка.

- Нет, - сказал Имран.

Одно слово. Ровное, тёмное.

Вода в светильниках дрогнула.

Херрад даже не посмотрел на него.

- Ты потерял право отказывать, когда связал стражу с телом.

Катя не сразу поняла.

Потом поняла слишком быстро.

Жар ударил в лицо. Тот самый, совсем не от нижнего огня. От стыда, ярости и того, что чужие люди спокойно полезли туда, где не имели права даже стоять у двери.

- Что значит «с телом»? - спросила она.

Имран молчал.

Женщина с бессонными глазами улыбнулась шире.

- Страж не только охраняет проход. Он удерживает его собой. Кожей, дыханием, желанием, если совсем глуп. Твой Эллер оказался совсем глуп.

Слово «твой» ударило хуже оскорбления.

Катя шагнула вперёд.

Имран поймал её за запястье.

Очень быстро. Очень крепко. Не больно. Но власть в этом движении была такая явная, что у неё по позвоночнику прошёл горячий ток. В другой миг, в другой комнате, после другого разговора, тело могло бы ответить иначе. Сейчас она хотела вцепиться ему ногтями в руку.

- Отпусти, - тихо сказала она.

Он отпустил сразу.

Совет увидел.

Все увидели.

И Катя поняла, что именно этого они хотели. Не проверки ключа. Не закона. Им нужен был разлом между ней и Имраном. Заставить его удержать её перед всеми. Заставить её почувствовать унижение. Заставить их любовь стать поводомком.

Она улыбнулась.

Не весело.

- Какая дешёвая у вас магия, - сказала Катя. - Всё через чужой стыд.

В зале стало тихо.

Саир, стоявший у дальней стены, опустил глаза, но Катя успела увидеть: угол его рта дрогнул.

Херрад поднялся.

Он был высоким, сухим, с руками старого хирурга. На правой кисти не хватало двух пальцев. Не мизинца - указательного и среднего. Не за огонь, подумала Катя. За приказ. Или за молчание после приказа.

- Ты думаешь, что можешь ненавидеть нас, - сказал он.
- Это полезно. Ненависть держит живых в форме. Любовь делает их мягкими.

- Вы давно никого не любили, да?

- Я любил достаточно, чтобы знать цену.

Он подошёл ближе.

Имран снова двинулся, но Катя подняла руку. Остановила его.

Сама.

Ключ на ладони блеснул.

- Проверка будет простой, - сказал Херрад. - Мы покажем тебе цену Имрана до конца. Всю. Не ту историю, которую он отдаёт словами. Не тот кусок, который ты увидела через огонь. Всё.

У Кати пересохло во рту.

Имран резко сказал:

- Нет.

В этот раз в голосе треснуло что-то живое.

Вот оно, подумала Катя. Вот место, где ему больно по-настоящему.

Херрад повернулся к нему.

- Ты спрятал цену. Ключница нашла её. Нижние сны уже знают запах. Если она останется рядом с тобой и не увидит, за что держит ключ, она откроет тебя из жалости.

Имран смотрел на него, как на мишень.

- Она не откроет.

- Потому что ты веришь ей?

- Потому что она не ты.

Эти слова были сказаны без нежности. Даже грубо. Но у Кати внутри что-то болезненно сжалось.

Херрад кивнул.

- Тогда пусть смотрит.

Пол под ногами Кати стал мягким.

Не физически. Хуже. Мир провалился как сонный паралич. Тело осталось стоять, а сознание рвануло вниз, в сухой жар, в дым, в крик, который ещё не успел стать человеческим.

Последнее, что она почувствовала в зале Совета, - пальцы Имрана.

Он всё-таки схватил её за руку.

И на этот раз не отпустил.

Глава 3. Палец огня

Огонь пах не деревом.

Катя ожидала дыма, гари, треска досок, человеческого крика. Всё это было, но главным оказался другой запах - сладкий, густой, почти мясной. От него сразу захотелось вывернуть себя наизнанку. Она стояла посреди чужой памяти и понимала: это не видение для сочувствия. Это место, где цена до сих пор не закончилась.

Дом горел изнутри.

Стены были глинобитные, тёмные, с узкими окнами. За окном - ночь Глисы, плотная и синяя. Внутри - красный свет, но Саир не увидел бы его. Катя почему-то подумала об этом с нелепой чёткостью, будто мозг пытался ухватиться за любую мелочь, чтобы не смотреть на главное.

Имран был моложе.

Не намного. Просто в нём ещё не было той окончательной тишины, которую Катя знала. Волосы короче, лицо резче, глаза злее. На обеих руках - все пальцы.

Эта деталь ударила сильнее, чем ожидалось.

Целая левая рука.

Она смотрела на неё и чувствовала в груди стыдное, невозможное желание: пусть так и останется. Пусть сейчас всё изменится. Пусть он не потеряет. Пусть девочка убежит сама. Пусть мир хоть один раз возьмёт плату с кого-то дру-

того.

- Не думай так, - сказал Имран рядом.

Катя вздрогнула.

Он стоял с ней в памяти. Настоящий. Тот, сегодняшний. Лицо закрыто тенью, левая перчатка на руке, которой уже не могло быть целой.

- Я ещё ничего не сказала.

- Ты дышишь громко.

Катя хотела огрызнуться. Не смогла.

В горящем доме закричал ребёнок.

Молодой Имран рванулся к двери. Кто-то схватил его за плечо - женщина в серой повязке, возможно, старшая Эл-лерка. Она кричала ему что-то на языке Глисы. Катя не понимала слов, но смысл бил в кожу: нельзя. Поздно. Разлом уже взял воздух. Если войдёшь, откроешь ниже.

Имран сбросил её руку.

- Он всегда был таким? - спросила Катя.

- Каким?

- Невыносимым.

Настоящий Имран молчал так долго, что она почти пожалела.

- Да.

Внутри дома снова закричали.

Один голос. Потом второй.

Катя похолодела.

- Там было двое детей.

Имран не ответил.

На его лице не было привычного камня. Было что-то хуже - человек, который столько лет удерживал одну историю, потому что вся история могла его разрушить.

Молодой Имран вошёл в огонь.

Не красиво. Не героически. Он прикрыл лицо рукой, закашлялся, врезался плечом в балку, едва не упал. Пламя жрало воздух. В нём были чёрные провалы, и из этих провалов тянулись тонкие руки нижнего сна. Катя видела их ясно: не пламя, не дым. Что-то вошло через горящий дом и училось изображать пожар.

Первая девочка лежала у стены.

Алина.

Катя знала её уже по обрывкам, по записям, по чужим голосам. Маленькая, в ночной рубашке, с чёрными волосами, лицо в саже. Она не плакала. Слишком мало воздуха.

Молодой Имран поднял её.

Вторая девочка была за печью.

Младше. Светлые волосы слиплись от пота. Она была жива. Глаза открыты. В них уже стояло не детское понимание: взрослые не успевают.

- Мара, - прошептала Катя.

Имран закрыл глаза.

Вот и ненависть.

Она пришла быстро, горячо, без благородства. Катя ненавидела его в эту секунду. Не за то, что он спас одну и не спас

другую. За то, что столько времени нёс это рядом с ней и молчал. За то, что дал ей выбирать с неполной правдой. За то, что её любовь к нему теперь должна была вместить ещё одну детскую смерть.

- Ты сказал «девочка», - произнесла она.

Голос был чужой.

- Я сказал то, что мог сказать.

- Удобно.

Он принял.

Не оправдался. Не поднял голос. Не сделал из боли щит. Просто стоял рядом с ней и смотрел, как его молодой вариант пытается поднять двоих.

Это было невозможно.

Алина почти не дышала. Мара была прижата балкой. Чтобы вытащить её, нужно было отпустить первую. Чтобы удержать первую, нужно было оставить вторую.

Катя зажала рот рукой.

- Не надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.